

УДК 94(47+57)

НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ 20–30-х ГОДОВ XX ВЕКА: ИЗМЕНЕНИЕ СОСТАВА, ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

О.А. Хабибрахманова

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы социальной трансформации российской научной интеллигенции в 20–30-е годы XX века. В этот период изменились статус, состав, бытовые условия проживания, профессиональная практика ученых. Результаты изучения архивных материалов и других источников показали, что рассматриваемые преобразования, болезненно пережитые интеллигенцией, были следствием политики властей в отношении развития науки и поддержки научных кадров.

Ключевые слова: научная интеллигенция, категории, советская власть, материальное обеспечение, качество жизни, социальные условия, Казанский университет, комиссия по улучшению быта ученых.

Годы становления советского общества (20–30-е годы XX века) можно определить как одни из наиболее сложных в истории нового государства. Изменения происходили во всех областях: в экономике, социальной сфере, культурной жизни и т. д. Последствия гражданской войны (голод, разрушение экономических связей и др.), структурные сдвиги в экономике, появление новых методов хозяйствования и новых органов управления создали непростую обстановку в стране, и власть не смогла справиться с обрушившимися на нее проблемами, результатом чего явилось снижение качества жизни населения. Наиболее болезненно оно сказалось на научной интеллигенции России, материальное положение которой на Всероссийской конференции высших учебных заведений в 1921 г. было охарактеризовано следующими чертами: скудное питание, мизерные оклады и отсутствие элементарных предметов домашнего обихода, необходимость совмещать работу сразу в нескольких учебных заведениях. Указанные обстоятельства спровоцировали отток представителей профессорско-преподавательского состава из вузов в учреждения на хозяйственные и административные должности.

Трудные времена переживали и ученые Татарии. Профессор Казанского университета М.К. Корбут указывал на все более ухудшавшееся материальное положение профессуры Казанского университета, которая к 1920–1921 гг. достигла бедственного состояния: «Выдача жалованья производилась с опозданием на 1–2 месяца... Начался довольно заметный отъезд профессуры и преподавателей в другие города, где как раз открылись новые учебные заведения. Еще хуже было хозяйственное состояние университета, не получавшего почти никаких ассигнований на учебные расходы и поставленного в необходимость из-за отсутствия

дров довести до минимума отопление университета. В большинстве кабинетов и лабораторий температура зимой 1920–1921 гг. доходила до 1–6 градусов ниже нуля. Однако Совет университета принял решение чтения теоретических лекций не прекращать, экспериментальные занятия были отложены до доведения температуры до 5 градусов» [1, с. 311]. Профессура как могла переносила тяготы голодного времени и даже оказывала посильную помощь более нуждавшимся. Вот что осталось в памяти студентки геофака университета о профессоре-геологе М.Э. Ноинском:

Многим, особенно в голодные 1919-е – 1920-е гг. он помогал и в одежде, и в питании, и в оплате за обучение. Но никто из них не знал помогающего. Ноинский просил об этом не говорить. <...>

Однажды в 1920-е гг. ехала студенческая экспедиция во главе с М.Э. Ноинским на пароходе. Им выдали паек воблой. Когда они ее ели, на них с жадностью смотрели голодные дети. Ноинский спросил студентов:

– Дадим или отдадим?

– Отдадим, – ответили все студенты, угадывая заранее настроение своего учителя. И отдали, а сами ехали голодные (ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 10096. Л. 3).

Однако не все ученые смогли пережить это сложное время. На заседаниях Ученого совета университета все чаще стали звучать сообщения ректора о смерти преподавателей. Только за первые три месяца начавшегося 1921 г. скончалось 8 ученых: 5 января – профессор кафедры русской истории П.Г. Архангельский, 18 января – профессор кафедры теории капиталистического хозяйства П.А. Никольский, 6 февраля – профессор кафедры славянской филологии Н.М. Петровский, 7 марта – профессор кафедры социологии В.К. Соколов и др. (НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–11).

Рассматриваемый период характеризовался спадом научной активности. Голод и хозяйственная разруха в первые годы существования Татарии не позволяли вести научно-исследовательскую работу в полном объеме. Кроме того, многие ученые негативно воспринимали новую власть, часто противились навязываемым условиям существования. Вследствие этого в 1922 г. по инициативе В.И. Ленина из страны было выслано около 160 оппозиционно настроенных видных ученых и деятелей культуры, среди которых были и представители научного сообщества Казани: бывший ректор университета А.А. Овчинников, профессора Г.Я. Трошин, И.А. Стратонов [2, с. 48–70]. Однако власти важно было сохранить научный потенциал в том объеме, который был необходим стране в рамках строительства социалистического общества. В связи с этим была развернута настоящая борьба за формирование советского ученого. Стремясь реализовать поставленную задачу, руководство страны взялось за решение наиболее волновавших научную интеллигенцию проблем.

Самой актуальной на тот момент была проблема обеспечения продовольствием. Нормирование продовольствия, введенное в стране в 1919 г., осуществлялось по классовому признаку. Все население было разделено на три категории, а главным критерием распределения граждан было их отношение к физическому труду. Все представители бывших состоятельных сословий были отнесены к третьей категории, что ставило ученых на грань выживания. Властями было принято решение оказывать помощь научным работникам, установив осо-

бое дополнительное академическое обеспечение продовольствием, деньгами, предметами одежды, белья и обувью независимо от размера вознаграждения по занимаемой должности (см. [3, с. 10]). Предложения Центральной Комиссии были сформулированы в виде проекта Совета Народных Комиссаров (СНК), а 6 декабря 1921 г. этот проект был рассмотрен и утвержден. В постановлении СНК отмечалось, что дополнительное к существующим видам вознаграждения обеспечение вводится в целях наилучшего использования научных сил страны для восстановления сельского хозяйства, а также обеспечения научным работникам возможности спокойной и планомерной работы.

Академическое обеспечение состояло из трех частей: академического пайка, увеличиваемого на полпайка на каждого нетрудоспособного члена семьи; из денежной части, размер которой зависел от квалификационного разряда данного научного работника. Третью часть академического обеспечения составляли товары широкого потребления, одежда, белье и обувь. Приблизительное соотношение этих частей академического обеспечения устанавливалось как 50%, 20% и 30%.

Ввести академическое обеспечение предполагалось с 1 января 1922 г., однако не для всех научных кадров, а только для 7 000 наиболее значимых ученых страны. Дополнительное обеспечение предоставлялось ученым только после их вступления в особую организацию – Татарскую комиссию по улучшению быта ученых, деятельность которой контролировалась вышестоящей организацией – Центральной комиссией по улучшению быта ученых (НА РТ. Ф. Р-644. Оп. 1. Д. 100. Л. 4). Тем не менее даже зарегистрировавшиеся в Комиссии ученые были подвергнуты дальнейшей градации. На заседании Центральной комиссии по улучшению быта ученых от 13 декабря 1921 г. было утверждено постановление о распределении научных работников на категории в зависимости от их квалификации, всего определялось 5 категорий. К первой категории были отнесены молодые ученые, имеющие научный стаж и хотя бы одну самостоятельную научную работу. Преподаватели и научные работники высших учебных заведений и научных учреждений, имеющие научные и научно-учебные труды, составили вторую категорию. В третью вошли крупные ученые с большим научным и педагогическим стажем, со значительным количеством оригинальных научных работ, способные руководить подготовкой научных специалистов. В четвертую категорию были включены известные в своей области знания ученые, являющиеся создателями или выдающимися представителями крупных научных направлений и школ России. И наконец, пятую категорию составляли выдающиеся ученые, работа которых имела мировое значение (см. (НА РТ. Ф. Р-644. Оп. 1. Д. 99. Л. 2)).

В Казани распределение ученых на категории шло очень медленно, оно продолжалось вплоть до марта 1922 г., хотя постановление центра вышло 1 января 1922 г. Главное затруднение при отнесении научных кадров к той или иной категории состояло в том, чтобы точно учесть все требования, установленные для каждой категории Комиссией по улучшению быта ученых. Не все нуждавшиеся в материальной поддержке соответствовали предъявленным критериям. Прекрасно осознавая всю сложность проводимой в этом направлении работы, профессор А.А. Овчинников на заседании комиссии от 5 апреля 1922 г. попро-

сил отсрочить подачу списков нуждающихся от Казанского университета. Первый сводный список ученых Татарской республики, которым полагалась дополнительная материальная поддержка, был утвержден в Казани только 19 апреля 1922 г. (НА РТ. Ф. Р-644. Оп. 1. Д. 100. Л. 18). На академическое обеспечение по университету было поставлено 120 человек, по Политехникуму (Так в 20-е годы называли Политехнический институт. – *О.Х.*) – 19 человек, по Ветинституту – 19 человек, по Клиническому институту – 16, по Восточной Академии – 13.

Постановление Татарской комиссии было направлено в центральную организацию, где распределение научных работников на категории было окончательно утверждено. В Казани лишь один ученый получил 5-й разряд – Н.А. Миславский, в Москве и Петрограде их оказалось соответственно 27 и 29. Четыре работника в Казани имели 4-й разряд: Е.Ф. Будде, В.А. Богородский, А.А. Остроумов, Н.Н. Фирсов, тогда как в Москве таковых оказалось 128, а в Петрограде – 89. Третий разряд в Казани был у 29 ученых, второй – у 83, и у стольких же – первый. В Петрограде и Москве было 449 и 497 ученых 2-го разряда, 1 229 и 1 036 ученых 1-го разряда (см. (НА РТ. Ф. Р-644. Оп. 1. Д. 152. Л. 7)). Исходя из этих данных можно сделать вывод о количественном и качественном составе профессорско-преподавательского состава отдельных регионов страны. Если учесть, сколь малое количество казанских ученых получало материальную помощь, становится понятно, почему в 20–30-е годы происходил повсеместный отток научных кадров из провинциальных учебных заведений в сферы производства, обслуживания, административные органы и т. п., в Москве же и Петербурге состав преподавателей и профессоров был относительно стабилен.

Следует заметить, что одной из предпосылок введенного деления ученых на категории явилось подписание в 1918 г. наркомом просвещения М.М. Покровским декрета «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений Российской Республики», в соответствии с которым отменялись существующие ученые степени доктора и магистра, звания адъюнкта и приват-доцента. Все лица, преподававшие в вузе, получили звание профессора, кроме приват-доцентов, не имевших трехлетнего стажа, которые были объявлены преподавателями¹. Однако довольно скоро выяснилось, что принятая унификация научных званий не отвечает университетским реалиям. «Положение о высших учебных заведениях» СНК РСФСР от 19 сентября 1921 г. ввело новую педагогическую иерархию: профессорско-преподавательский состав был разделен на профессоров, ведущих основные лекционные курсы, преподавателей, ведущих вспомогательные курсы, и научных сотрудников, помогающих профессорам и преподавателям организовать учебный процесс.

Расслаивая научную интеллигенцию, новые органы власти еще в 1919 г. начали проводить политику выдвижения красной профессуры. Впервые красная профессура заявила о себе на Всероссийской конференции представителей высших школ. Тогда группа преподавателей выступила с заявлением о том, что благодаря диктатуре пролетариата, осуществляемой в советской России, впервые в истории созданы условия для свободного развития науки и широкого использования ее достижений в интересах всего общества [1, с. 314]. В архиве

¹ В 1919 г. был проведен конкурс на подтверждение права занимать профессорскую кафедру.

сохранились документы о деятельности Казанской группы красной профессуры. Одно из заседаний бюро группы проходило 6 декабря 1923 г. На нем присутствовали М.К. Корбут, В.Б. Бродовский, М.В. Нечкина, М.И. Аксянцев и др. Участниками заседания была выработана новая линия в работе: «...необходимо привлечь возможно большие круги научных работников к проведению в жизнь резолюций съезда; для этого не противопоставлять группу красных научных работников остальным научным работникам и завоевать их изнутри» (НА РТ. Ф. Р-644. Оп. 1. Д. 95. Л. 92). Однако существуют материалы, позволяющие заключить, что, следуя намеченной линии, некоторые представители красной профессуры проявляли себя не слишком достойно, что вызывало критику в их адрес и неприязненное отношение в среде коллег. Так, весьма нелестные характеристики в своих воспоминаниях дает им профессор Е.К. Завойский: «...вошли к Баранову и услышали нецензурную брань. Кстати, Баранов был так называемый красный профессор, т. е. человек, заявивший в 1919 г., что желает быть профессором университета, хотя он работал лаборантом. В то время такое желание – закон» [4, с. 37]. Замечание профессора Завойского относительно механизма формирования красной профессуры подтверждает наше наблюдение, что часть преподавателей все-таки постепенно принимала условия деятельности, предлагаемые советской властью.

С октября 1924 г. академическое обеспечение было оставлено только для 300 наиболее квалифицированных российских ученых, причем размер денежного обеспечения для них был значительно увеличен: для четвертой категории до 60 руб. в месяц, а для пятой категории до 85 руб. в месяц, что было даже выше, чем в среднем в промышленном секторе. Необходимость в распределении ученых на категории с этого момента полностью отпала, поскольку материальное обеспечение было заменено на денежное. Кроме того, в силу своей нецелесообразности (так свидетельствуют документы) первая, вторая и третья категории были вообще упразднены (НА РТ. Ф. Р-644. Оп. 1. Д. 132. Л. 46).

В сфере высшего образования происходят изменения и институционального характера. Комиссия по улучшению быта ученых передает свои полномочия профессиональной организации ученых – Секции научных работников. Новая организация преследовала цель не только материального обеспечения научной интеллигенции, но и воспитания ее профессиональной дисциплины, пропаганды марксизма среди своих членов. Приоритет в работе Секции был отдан политике и идеологии неслучайно: на конференциях научных работников Казани все чаще говорилось о буржуазном характере деятельности вузов, о саботаже начинаний советской власти и прямой враждебности к ней в среде вузовских работников и студентов. На заседаниях секции с момента ее создания нередко звучали призывы к борьбе с идеологическим противником, заявления о необходимости дать решительный отпор, идейный и административно-организационный, всяческим реакционным поползновениям консервативных элементов профессуры. С целью преодоления буржуазных настроений на одном из вузовских совещаний профессура даже была разбита на группы по степени лояльности к новой власти. В Казани в то время насчитывалось около 80 профессоров (из них 44 работали в Казанском университете), причем 20–25% были профессорами до революции, остальные стали ими после 1917 г. Первая группа – советская,

самая немногочисленная; вторая группа – сменеховская, которая была не прочь сотрудничать с советской властью, третья группа – «болото» – многочисленная, готовая работать с кем угодно и как угодно, лишь бы побольше платили, группа, которая не пользовалась авторитетом, но могла быть использована для реализации тех или иных целей. Четвертая группа – немногочисленная, совершенно отошедшая от общественной и политической жизни, ничего не знающая и не желающая знать, кроме своей лаборатории или клиники.

Научные работники, ставшие членами Секции научных работников, проходили переквалификацию, и к 1926 г. были разделены на три группы: группа начинающих, основная группа и группа заслуженных. Представители последней группы получали дополнительное академическое обеспечение в размере 62 руб. Всего в провинции такое индивидуальное обеспечение получало 52 человека. Помимо этого для заслуженных научных работников было установлено повышенное денежное пособие, в особых случаях им оказывалась и материальная помощь. Например, ее получил профессор Казанского университета А.Ф. Герасимов. Вот как вспоминает произошедшее студент А.Ф. Герасимова: «Весной, возвращаясь вечером из Дома Ученых, Алексей Федорович был ограблен. Грабители были найдены и наказаны, по указу Татсовнаркома профессору Герасимову Казанский меховой комбинат выделил новую меховую шубу, шапку и меховые рукавицы» (ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 10097. Л. 6).

В начале 30-х годов, когда Советское государство продолжало централизацию, дифференцированное обеспечение ученых получило дальнейшее развитие. Так, созданная в 1932 г. Комиссия содействия ученым специализировалась только на обеспечении элиты научной интеллигенции. В постановлении СНК отмечалось, что содействие должно оказываться в первую очередь научным работникам, имеющим серьезные научные труды и практические достижения, способствующие социалистическому строительству страны. Советом комиссаров рекомендовалось персонально выделить по СССР “ведущих” кадров во всех отраслях науки и техники для внеочередного и преимущественного обеспечения их всеми видами материально-бытового и производственного содействия [5, с. 352]. Члены Комиссии получали спецснабжение в размере близком к нормам для работников центральных партийных и советских учреждений. Остальная часть научных работников снабжалась по общим нормам, дополнительное денежное обеспечение для них было полностью ликвидировано.

С созданием Комиссии содействия ученым в стране был продолжен процесс ранжирования интеллектуальной элиты. Для вхождения в ее состав научному работнику необходимо было заполнить специально разработанную анкету. В ней ученым предлагалось ответить на вопросы о научной специальности, занимаемой должности, стаже работы, партийной принадлежности. Большинство сохранившихся в архиве анкет содержат сведения о профессуре и научных работниках, занимавших высокие должности. Вот как ответил на вопросы анкеты Александр Ермингельдович Арбузов: «Родился в 1877 г. Профессор органической химии. Научная работа по различным отделам органической химии и органической технологии. Профессор и зав. кафедрой органической химии КХТИ им. Бутлерова. Стаж работы – 32 г.» (НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1875. Л. 25).

На заседании Комиссии при СНК в 1931 г. было заявлено, что в номенклатуре научных работников СССР имеется много пестроты и неопределенностей и необходимо решить вопрос о ее упорядочении и унификации. Проект номенклатуры был утвержден в 1932 г. В частности, для научно-исследовательских учреждений назначались следующие должности: директор, заместитель директора по научной части, ученый секретарь, научный консультант, заведующий сектором или отделом, руководитель отделения, группы или лаборатории, старший научный сотрудник, младший научный сотрудник, лаборант. Этот реестр действует почти без изменений и сейчас. С введением реестра должностей научная квалификация ученого стала чем-то вторичным, хотя и продолжала учитываться при предоставлении льгот. «Если в период 1920-х годов состав высшей группы ученых и деятелей искусств выглядел так: М.Н. Ермолаева, И.П. Бородин, В.И. Вернадский, И.П. Павлов и т. д., то в период КСУ (Комиссии содействия ученым. – О.Х.) он выглядел следующим образом: члены союзной и республиканской академии наук, заслуженные деятели науки и искусства. Были люди – стали должности» [6, с. 105].

В 1934 г. в Казани на заседании Президиума Комиссии содействия ученым при ТатЦИКе прозвучала настоятельная просьба в адрес Наркомснаба об установлении с 1934 г. дифференцированного снабжения: для крупнейших ученых-ударников – усиленные нормы снабжения (всего 25–30 пайков), для профессоров и доцентов – уменьшенные нормы, по сравнению с существующими для специалистов наркоматов.

Так шаг за шагом новая власть осуществляла выборочный, классово-ориентированный подход к социальной защите определенных категорий научных работников, разделяя интеллигенцию по конкретным научным заслугам, уровню лояльности к советской власти и близости к промышленному производству – это, по сути, и стало одним из основных рычагов трансформации состава научной интеллигенции страны.

Summary

O.A. Khabibrakhmanova. Scientific Intelligentsia of 1920–1930s: Change of Structure, Transformation of Identity.

The article deals with the problems of social transformation of the Russian scientific intelligentsia in 1920–1930s. The status, structure, living conditions, and professional practice of scientists changed in this period. Results of the analysis of archival materials and other sources showed that the transformations under consideration were painfully experienced by the intelligentsia and were the consequence of the government policy regarding the development of science and support of scientific staff.

Key words: scientific intelligentsia, categories, Soviet power, material support, quality of life, social conditions, Kazan University, the committee on improvement of life conditions of scientists.

Источники

ОРРК НБЛ КГУ (Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета). Ед. хр. 10096 (Тэфанова Т.А. Из истории геологического факультета Казанского университета).

НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. Р-1337 (Казанский государственный университет).

НА РТ. Ф. Р-644 (Татарский Областной отдел союза работников просвещения).

ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 10097 (Богоявленский А.Ф. Воспоминания о химфаке КГУ).

НА РТ. Ф. Р-732 (Центральный Исполнительный Комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ТАССР).

Литература

1. *Корбут М.К.* Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05 – 1929/30: в 2 т. – Казань: Казан. ун-т, 1930. – Т. 2 – 385 с.
2. *Мальшева С.Ю.* Казанцы с философских пароходов // Султанбеков Б.Ф., Мальшева С.Ю. Трагические судьбы. – Казань, 1996. – С. 48–70.
3. Шесть месяцев работы Центральной комиссии по улучшению быта ученых при Совете Народных Комиссаров (ЦЕКУБУ). Краткий отчет. – М., 1921. – 65 с.
4. *Завойская Н.Е.* Казанский университет конца двадцатых – тридцатых годов. Сороковые годы // Наука. – 1990. – № 3. – С. 36–40.
5. Организация Советской науки в 1926–1932 гг.: Сб. док. / Сост. К.Г. Большакова и др. – Л.: Наука, 1974. – 408 с.
6. *Осокина Е.А.* За фасадом сталинского изобилия: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. – М.: РОССПЭН, 1999. – 271 с.

Поступила в редакцию
20.11.09

Хабибрахманова Ольга Аркадьевна – кандидат исторических наук, доцент Казанской академии социального образования.

E-mail: OlgaAH@yandex.ru